

Чжоу Сяолэ прикинул на пальцах: до дня свадьбы оставалось ровно десять дней. Если вычесть три дня перед свадьбой, когда нельзя выходить из дома, то оставалось всего семь дней, когда ещё можно было ставить лоток. До и после свадьбы им всё равно придётся закрыться на несколько дней, туда-сюда - не меньше пяти дней.

А если Шэнь Юй сообщит, что в префектурный город нужно ехать раньше, возможно, закрываться придётся ещё дольше. Это было нехорошо.

Если лоток долго не ставить, это приведёт к серьёзной потере гостей. Со временем, когда чанфэнь уже перестанет казаться новинкой, их лоток так и остановится на восточной улице городка.

— Нет, так нельзя. Если дел становится слишком много, всё-таки надо нанимать ещё людей...

Чжоу Сяолэ ворочался с боку на бок, крутился туда-сюда и никак не мог уснуть. Рот его всё время бормотал о делах лотка. В голове он тоже одновременно обдумывал всё это: мысли неслись быстро, разум вращался ещё быстрее, и планы о будущем развитии лотка сыпались один за другим, словно горох из мешка.

Но чем больше он прикрывался делами лотка, тем труднее было скрыть то, о чём он на самом деле думал в глубине души.

Он бессознательно пробормотал:

— Скоро свадьба...

Когда он прямо посмотрел на то, что действительно занимало его сердце, наоборот, очень быстро провалился в сон.

На следующий день Чжоу Сяолэ встал и первым делом принёс воды к огороду, поставил её в стороне, в кустах, и прикрыл травой на случай, если Чжоу Цинцин встанет поздно. Если вода нагреется на солнце, а потом ею полить огород, она обожжёт корни. Корни сгорят - овощи погибнут.

Вернувшись с огорода, он снова пошёл на кухню посмотреть замоченный рис. Одной рукой зачерпнул пригоршню, большим пальцем потёр зёрна, раздвинул их и проверил, насколько они разбухли. Он осмотрел все пять вёдер риса - рис был замочен очень хорошо. Потом, если перемолоть его с водой в нужной пропорции, рисовая масса тоже должна была выйти неплохой.

Он несколько раз сходил туда-сюда и перенёс все пять вёдер риса к каменной мельнице. Подождёт, пока соберутся люди, и тогда начнут молоть. Пятеро будут сменять друг друга - так удастся сэкономить немало времени. К тому же среди них был один мужчина; силы у него всё-

таки больше, чем у женщин и гэров, значит, рисовую массу они смогут смолоть ещё быстрее.

Разобравшись с этим, Чжоу Сяолэ только тогда развёл огонь и разогрел несколько лепёшек. Когда он нанимал людей, было оговорено, что он обеспечивает завтрак и обед. На обед они будут есть чанфэнь, а вот завтрак всё же следовало время от времени менять: иногда он просил Цинь Сань-нян приготовить лепёшки, утром их оставалось только подогреть, и можно есть. Иначе каждый день питаться чанфэнем не выдержит ни один человек.

Лепёшки разогревались быстро, вскоре шесть больших лепёшек были готовы. Он перевернул их туда-сюда, и как только переложил на тарелку, за воротами двора послышались шаги. Чжоу Сяолэ вынес шесть лепёшек и увидел Сюй Гуаня у ворот: тот как раз привязывал повод лошади. Чжоу Сяолэ поставил лепёшки на каменный стол и пошёл открыть ему калитку.

До того, как вчера вечером Чжоу Цинцин об этом заговорила, у него почти не было настоящего ощущения, что он вот-вот выйдет замуж за Сюй Гуаня. В день вручения свадебных даров он думал только о неловкости и тоже почти не чувствовал напряжения перед свадьбой. Но после того как Чжоу Цинцин напомнила, после того как перед сном он пересчитал дни на пальцах, а теперь снова увидел Сюй Гуаня...

Как же так вышло, что они уже вот-вот должны пожениться?

Чжоу Сяолэ сказал:

— Ты каждый день отвозишь нас в город, а как же твои свиньи?

Сюй Гуань ответил:

— Ничего страшного. Утром я уже положил поросётам свиную траву. Свиную траву мне каждый день приносят, не беспокойся.

Разве поросята смогут вырасти, если есть только свиную траву? Наверное, им понадобится немало времени, чтобы стать большими?

Бабушка, которая в прежней жизни приютила Чжоу Сяолэ, тоже держала свиней, но она кормила их в основном свиным кормом, и поросята росли очень быстро. В самый быстрый раз их можно было отправлять на продажу уже через шесть месяцев. А если кормить их так, как Сюй Гуань, каждый день одной свиной травой, то, пожалуй, меньше чем за год они не вырастут до продажи?

И это ещё если считать быстро. А медленнее - может, и полтора года, и два. Тогда на чём тут зарабатывать?

— Ты обычно готовишь поросётам корм? — спросил Чжоу Сяолэ.

Сюй Гуань кивнул и сказал:

— Готовлю, только немного.

— Ты... — всё, что нужно было обсудить, уже обсудили, и Чжоу Сяолэ, помедлив, всё-таки спросил: — Через несколько дней у нас день свадьбы. Ты помнишь?

Повод был уже привязан; Сюй Гуань по привычке дёрнул верёвку и сказал:

— Помню. Осталось десять дней.

— Тогда почему вчера, когда я согласился на предложение Шэнь Юя, ты не возразил? Если Шэнь Юй велит нам поехать раньше, это вполне может столкнуться с днём нашей свадьбы.

— Раз Лэ-гэр согласился, значит, хорошо. Я не против.

Ему что, правда всё равно?

Чжоу Сяолэ на миг лишился слов. Как раз в это время Чжоу Чуся и Дачэн-сао вместе пришли, неся овощи, и он оборвал разговор, позвав Чжоу Чуся и Дачэн-сао сначала идти мыть овощи.

Овощей для чанфэня требовалось не так уж много. Раньше Чжоу Сяолэ и Чжоу Чуся вместе ходили на склон Мацянь собирать дикие травы, но теперь, когда гостей стало больше, тех трав на склоне Мацянь уже не хватало, сколько ни срывай. Чжоу Сяолэ поговорил со старостой и стал каждый день покупать овощи у тех деревенских семей, которые их выращивали: одна корзина - пять взней. Эти овощи сажали не на продажу, а для себя, но у одной семьи купить было недостаточно, приходилось искать несколько домов. Так как раз хватало для дела, и у этих семей появлялась ещё одна возможность заработать. Всё равно самим столько не съесть, а продашь - ещё и деньги получишь.

Чжоу Сяолэ повёл Чжоу Чуся и Дачэн-сао мыть овощи. По прежней привычке Сюй Гуань должен был сначала идти молотить рисовую массу. Но когда разговор только что оборвался, ему будто показалось, что Чжоу Сяолэ недоволен. Только на лице Чжоу Сяолэ ничего не изменилось, и Сюй Гуань тоже не был вполне уверен.

Подумав об этом, Сюй Гуань почувствовал в душе тревогу. Дело с чужой обидой и недовольством было для него трудным. Он какое-то время нерешительно ходил на месте туда-сюда, потом всё же вошёл во двор и отыскал Чжоу Сяолэ.

Сюй Гуань спросил очень осторожно:

— Лэ-гэр, сегодняшний рис уже можно молотить?

Чжоу Сяолэ как раз черпал воду в таз. Услышав его, он поднял голову и сказал:

— Можно. Только будь осторожен, деревянная рукоять у той каменной мельницы не очень крепко держится. Потом мне ещё надо будет попросить дядю Гуя её поправить.

Он готов со мной разговаривать, подумал Сюй Гуань, значит, Чжоу Сяолэ, наверное, не злится. На сердце у Сюй Гуаня сразу стало легче. Молоть нужно было много, но шаткая рукоять - не беда. Он взял маленькую щепку, вставил в щель, и рукоять сразу стала крепкой.

Вскоре пришли и остальные. Все вместе помогли погрузить продукты на тележку и отправились в город.

Так прошло несколько дней. Потом Шэнь Юй прислал весть: поездку не перенесли раньше, напротив, отложили на несколько дней, ехать нужно было только в конце следующего месяца. Раз время изменилось, значит, и обстоятельства, вероятно, тоже изменились, но это было уже не то, о чём Чжоу Сяолэ должен был беспокоиться. Он только подумал, что теперь времени стало гораздо свободнее.

Чжоу Сяолэ выдохнул с облегчением. Во всяком случае, не слушать деревенские пересуды - уже хорошо; когда в словах прячутся иглы, слушать их тоже очень колко.

За три дня до свадьбы Чжоу Сяолэ понёс в дом Сюй Гуаня красное свадебное покрывало, красные подушки и целую кучу счастливых фиников и арахиса: нужно было заранее украсить новую комнату. К счастью, Чжоу Сяолэ уже заработал немного денег и мог купить эти вещи. Будь это в самом начале после перерождения, не говоря уже о красном свадебном покрывале и красных подушках, он, возможно, не смог бы купить даже ни одного арахиса или финика.

Застилать постель в новой комнате, по правилам, должны были позвать родственников, причём счастливую замужнюю женщину или фулана. Но у Чжоу Сяолэ таких родственников не было, а отправлять незамужнюю сестрчку было ещё нелепее, поэтому он заранее решил пойти сам.

Свою собственную постель застилать - какие тут могли быть запреты?

Чжоу Сяолэ толкал тележку, а Чжоу Цинцин шла вместе с ним. Прежде Чжоу Цинцин ни разу не бывала в доме Сюй Гуаня, и как раз теперь могла зайти посмотреть, запомнить дорогу и дверь, чтобы в будущем, когда придётся ходить к родственникам, уже знать всё как свои пять пальцев. По дороге им встретилось немало людей. С кем-то семья Чжоу Сяолэ была в обычных отношениях - те поздоровались и прошли мимо. А кто-то недолюбливал их семью, даже не здоровался, а когда люди уходили, ещё и отпускал за спиной несколько кислых слов.

Чжоу Сяолэ услышал, но никак не отреагировал. Однако он боялся, что Чжоу Цинцин начнёт тревожиться, поэтому всю дорогу подыскивал темы и болтал с ней о том о сём. Никакой особой темы не было: что увидел, о том и говорил пару фраз; что пришло в голову, то и упоминал. Чжоу Цинцин тоже отвечала ему фразой за фразой, без малейшего нетерпения. Так они всю

дорогу шли, разговаривая и смеясь. Какой бы далёкой ни казалась дорога, всё это было в одной деревне; как бы медленно они ни шли, всё равно настал момент, когда они дошли.

Ворота дома Сюй Гуаня были открыты, но стена-экран отгораживала всё, что находилось внутри двора. Чжоу Сяолэ только поставил тележку, как Сюй Гуань, услышав звук во дворе, тоже как раз вышел, и они вместе перенесли вещи внутрь.

Новую комнату обычно устраивали в главной комнате. Чжоу Сяолэ сначала хотел, чтобы Сюй Гуань просто подготовил боковую комнату, но это увидели бы люди, пришедшие на свадебное застолье. Фулан, которого взяли по всем правилам через сваху и обряды, в итоге не живёт в главной комнате, а устроен в боковой - разве это не значит, что новый муж его не любит? Неужели новобрачного ещё до входа в дом уже решили прижать?

У праздных людей всегда найдутся праздные речи.

Так что свадебную комнату всё же устроили в главной. На только что подготовленной новой постели спать было нельзя, поэтому эти несколько дней Сюй Гуаню придётся пожить в боковой комнате.

Сюй Гуань заранее привёл главную комнату в порядок. Столы и стулья внутри он не трогал, а новый шкаф уже поставил на место. Если смотреть только на главную комнату, она не казалась большой. Главная комната примыкала к кабинету, между ними висела занавесь из бусин; но когда проходишь через кабинет, можно было увидеть открытую дверь. Стоило её закрыть, и кабинет отделялся от главной комнаты.

На столе в кабинете лежала незаконченная пропись; тушь ещё не высохла, очевидно, написано было совсем недавно. Чжоу Сяолэ подошёл, опустил голову и внимательно присмотрелся, но, сколько ни смотрел, так и не понял, что это за иероглифы. Почерк Сюй Гуаня и сам Сюй Гуань будто были двумя крайностями. Обычно Сюй Гуань относился к людям мягко, даже слишком мягко. Но его иероглифы - каждая черта, каждый штрих - были предельно свободными и размашистыми; по ним можно было увидеть решительность, с которой он опускал кисть, а поднятый кончик кисти был острым до чрезвычайности.

Если бы эта каллиграфия не лежала на столе Сюй Гуаня, Чжоу Сяолэ ни за что не поверил бы, что эти слова написал он. Даже почти ничего не понимая в каллиграфии, Чжоу Сяолэ всё равно мог увидеть: иероглифы Сюй Гуаня и правда написаны очень хорошо. Даже вывеску «Чжоу-Чжоу чанфэнь» тогда писал Сюй Гуань. Только те четыре иероглифа, по сравнению с тем, что он видел сейчас, были больше похожи на обычного Сюй Гуаня: в штрихах преобладала сдержанность, а сами знаки были ясными и легко узнаваемыми.

Чжоу Сяолэ не стал задерживаться перед прописью слишком долго, потому что Сюй Гуань стоял рядом с таким видом, будто и хотел убрать её, и не хотел. Чжоу Сяолэ решил, что Сюй Гуань, вероятно, не любит, когда другие видят его почерк. У некоторых людей бывает такая привычка: им не нравится, когда чужие слишком внимательно разглядывают их вещи.

Чжоу Сяолэ прошёл мимо письменного стола и подошёл к окну. Из окна как раз был виден боковой флигель. Изначально этот кабинет, должно быть, тоже был боковой комнатой, но Сюй Гуань переделал её в кабинет. Поэтому помещение было немаленьким: посреди него одиноко стоял стол, сбоку полка с книгами, вещей было слишком мало, и от этого комната казалась ещё просторнее.

— У Сюй Гуаня обычно есть привычка упражняться в письме?

Чжоу Цинцин в это время была во дворе и как раз подошла к окну кабинета. Сквозь окно она тоже увидела ту пропись, но, взглянув издали, не смогла разглядеть, что там написано.

Сюй Гуань сказал:

— Да, иногда пишу несколько иероглифов.

— Это очень хорошо. Почему же Сюй Гуань не идёт сдавать кэцзюй? Я смотрю, в твоём кабинете немало книг.

Сюй Гуань обернулся, посмотрел на ту полку книг, и лицо его слегка покраснело:

— Стыдно признаться, но все эти книги - повести о странном и необычном...

Вопрос оказался не слишком уместным.

Чжоу Цинцин тут же заговорила о другом:

— Я смотрю, у тебя на кухне вода кипятится. Я только что сходила посмотреть, вода как раз готова. Что ты собирался варить? Я пойду сварю, а вы двое застилайте постель.

Только тут Сюй Гуань вспомнил, что поставил греть воду, собираясь размочить ею рисовую лепёшку. Перед свадьбой им нельзя будет видеться, значит, он уже не сможет ходить в дом Чжоу Сяолэ выпрашивать еду. Эти рисовые лепёшки снова пришлось выкопать на свет божий.

Когда свадебную комнату украсили, Чжоу Сяолэ и Чжоу Цинцин тоже не стали долго задерживаться. Поев у Сюй Гуаня сухих рисовых лепёшек, размоченных в воде, они покатали тележку и вернулись домой. После этого возвращения они увидятся снова уже только через три дня, в день свадьбы.

Три дня пролетели в спешке.

Когда Чжоу Сяолэ ещё был во сне, в дверь уже несколько раз постучали. Он немного поскучал

по теплу одеяла, потом одним переворотом сел.

— Лэ-гэр, проснулся? Сегодня тебе нельзя валяться в постели, ещё надо умыться и привести себя в порядок, не то потом пропустишь счастливый час!

Чжоу Чуся был так юн, как он только натренировал язык, чтобы слов у него было больше, чем корзин?

Чжоу Сяолэ покачал головой, прогоняя сон, и лениво ответил:

— Проснулся, проснулся... Ты только не клевети на меня, я никогда не валялся в постели... — а потом снова рухнул и уткнулся лицом в одеяло.

Ещё даже час Мао не наступил, эти люди что, не спят? Даже если прийти в час Чэнь, тоже можно было бы. Умыться и привести себя в порядок? Что именно приводить в порядок? Надел свадебную одежду - и можно выходить. Что ещё приводить в порядок?

Чжоу Сяолэ пробормотал это про себя, но вслух сказать не посмел. Он поднялся и пошёл открывать дверь.

<http://bllate.org/book/17639/1732879>